

Нателы¹. А я ему ореховое варенье послала. Фото внучки я на груди пригрела. Благодаря сыну я вижу сладкие сны, зная, что есть кому меня оплакивать после смерти.

ВОСПОМИНАНИЯ СВЕРСТНИКОВ СОСО ДЖУГАШВИЛИ

Д. ГОГОХИЯ На школьной скамье

Город Гори с юга и запада омывают Кура и Лиахва.

Он окружен плодовыми садами. В городе возвышаются развалины древней крепости — памятника Средневековья.

В старом Гори было около восьми тысяч человек населения, много церквей, лавок, духанов и на весь тогдашний уезд четыре учебных заведения: городское четырехклассное училище, духовное четырехклассное, учительская семинария и женская прогимназия.

В этом городе в семье сапожника Виссариона Джугашвили в 1879 году родился мальчик, которому дали имя Иосиф.

В 1890 году, поступив в Горийское духовное училище, я впервые встретился с одиннадцатилетним Иосифом Джугашвили.

Предметы у нас проходились на русском языке, и лишь два раза в неделю преподавали грузинский язык.

Я, будучи уроженцем Мингрелии, произносил грузинские слова с акцентом. Это дало повод ученикам смеяться надо мной.

Иосиф же, наоборот, пришел мне на помощь.

Скромный и чуткий, он подошел ко мне и сказал:

— Ну, давай я буду учиться у тебя мегрельскому языку, а ты у меня грузинскому.

Это движение души товарища сильно растрогало меня.

Не одна только скромность отличала Иосифа. Большие способности и любознательность выделяли его среди учеников.

¹ *Натела* — имеется в виду Светлана Аллилуева, дочь И. В. Сталина и Надежды Сергеевны Аллилуевой. В грузинской ономастике имя Натела ассоциируется с «натели», что означает «свет», как в славянской — Светлана.

Обычно он был серьезен, настойчив, не любил шалостей и озорства. После занятий спешил домой, и всегда его видели за книгой.

Дядя мой, Виссарион Гогохия, в квартире которого я поселился, переехал в дом Кипшидзе. Здесь же, во дворе, жил Иосиф с матерью.

Их комната имела не более девяти квадратных аршин и находилась около кухни. Ход — со двора прямо в комнату, ни одной ступени. Пол был выложен кирпичом, небольшое окно скупо пропускало свет. Вся обстановка комнаты состояла из маленького стола, табуретки и широкой тахты, вроде нар, покрытой «чилопи» — соломенной циновкой.

Мать Иосифа имела скудный заработок, занимаясь стиркой белья и выпечкой хлеба в домах богатых жителей Гори. За комнату надо было платить полтора рубля в месяц, но не всегда удавалось скопить эти полтора рубля.

Тяжелая трудовая жизнь матери, бедность сказывались на характере Иосифа. Он не любил заходить к людям, живущим зажиточно. Несмотря на то что я бывал у него по нескольку раз в день, он поднимался ко мне очень редко, потому что дядя мой жил по тем временам богато.

Отец Иосифа — Виссарион — проводил весь день в работе: шил и чинил обувь.

За что ни брался Иосиф, все усваивал глубоко и основательно.

На подготовку к урокам у него уходило очень мало времени.

Благодаря своей исключительной памяти он, внимательно слушая педагога, запоминал урок и не нуждался в повторении.

Свободное от занятий время уходило на чтение книг. Он перечитал все, что было в школьной библиотеке, — произведения грузинских и русских классиков, — и по своему развитию и знаниям стоял намного выше своих школьных товарищей.

Это дало основание назначить ему одному ежемесячную стипендию.

Горийское духовное училище мы окончили в 1894 году. На выпускных экзаменах Иосиф особенно отличился. Помимо аттестата с круглыми пятерками, ему выдали похвальный лист, что для того времени являлось событием из ряда вон выходящим, потому что отец его был не духовного звания и занимался сапожным ремеслом.

Осенью того же 1894 года мы приехали в Тифлис — впервые в нашей жизни очутились в большом городе.

Нас ввели в четырехэтажный дом, в огромные комнаты общежития, в которых размещалось по двадцати—тридцати человек.

Это здание и было тифлисской духовной семинарией.

Жизнь в духовной семинарии протекала однообразно и монотонно. Вставали мы в семь часов утра. Сначала нас заставляли молиться, потом мы пили чай, после звонка шли в класс. Дежурный ученик читал молитву «Царю небесный», и занятия продолжались с перерывами до двух часов дня. В три часа — обед, в пять часов вечера — переключка, после которой выходить на улицу строго запрещалось.

Позже вели на вечернюю молитву, в восемь часов пили чай, затем расходились по классам — готовить уроки, а в десять часов — по койкам, спать. Мы чувствовали себя как бы в каменном мешке.

Ученики не имели права обсуждать свои нужды и запросы.

Все, что преподавалось, якобы означало непреложную истину.

Горе любопытному и любознательному! Сомнениям не должно было быть места. Критические суждения о явлениях природы, о страницах священного писания считались кощунством.

Инспектор Абашидзе строго и придирчиво следил за пансионерами, за их образом мыслей, времяпрепровождением и, кроме того, позволял себе производить обыски. Обыскивал нас и наши личные ящики.

Семинарская атмосфера тяготила Иосифа Джугашвили. Он сразу понял, что преподаваемые в семинарии предметы не могут удовлетворить человека развитого.

Он жаждал знать основы всего происходящего в мире, доискивался до первопричины, добивался ясного понимания вопросов, на которые семинарский курс не давал ответа.

Иосиф не терял времени и энергии на усвоение легенд из священного писания и уже с первого класса стал интересоваться светской литературой, общественно-экономическими вопросами.

В этом ему помогали ученики старших классов. Узнав о способном и любознательном Иосифе Джугашвили, они стали беседовать с ним и снабжать его журналами и книгами.

За год Иосиф настолько политически развился, вырос, что уже со второго класса стал руководить группой товарищей по семинарии.

Сталин самостоятельно составил план работы кружка и проводил с нами беседы. Однако вести кружок в стенах семинарии почти не представлялось возможным. Инспектор Абашидзе установил строгую слежку. Он чувствовал, что где-то что-то завелось, что молодежь, кроме священного писания, занимается еще чем-то иным, и нам пришлось подумать о месте сбора.

По предложению Иосифа была снята комната за пять рублей в месяц под Давидовской горой. Там мы нелегально собирались один, иногда два раза в неделю в послеобеденные часы — до переклички.

Иосиф жил в пансионе, и денег у него не было, мы же получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы. Из этих средств платили за комнату.

Члены кружка были отобраны самим Иосифом по надежности и конспираторским способностям каждого.

Среди семинаристов были доносчики, которые сообщали инспектору Абашидзе о настроениях и занятиях учеников и в особенности Иосифа Джугашвили.

В кружке Иосиф читал нам произведения Игнатия Ниношвили, разъяснял теорию Дарвина о происхождении человека, а к концу года мы перешли к чтению политической экономии и отрывков из книг Маркса и Энгельса.

Мы следили также за сообщениями и дискуссиями на страницах газеты «Квали». Задавали Иосифу вопросы, и он разъяснял нам все просто, ясно, четко.

Иосиф не ограничивался устной пропагандой идеей Маркса — Энгельса. Он создал и редактировал рукописный ученический журнал на грузинском языке, в котором освещал все спорные вопросы, обсуждавшиеся в кружке и на страницах «Квали».

Наш семинарский журнал представлял собою тетрадь страниц в тридцать. Журнал выходил два раза в месяц и передавался из рук в руки.

В этот период Иосиф был всецело поглощен политической литературой, но на покупку книг у него не было денег. И вот на помощь опять приходит его великолепная память. Он ходил к букинистам, останавливал взгляд свой на интересующей его

книге, раскрывал ее и, пока букинист возился с покупателями, вычитывал и запоминал нужные ему места.

Революционное настроение среди семинаристов росло и крепло.

Споры и диспуты становились явлением обыденным. Рукописный журнал, печатная политическая литература и «Квали» заполняли карманы членов кружка.

Все это не могло пройти незамеченным. Инспектор Абашидзе усилил слежку, и нам стало труднее ускользать от наблюдения его прислужников.

Однажды вечером, когда мы готовили уроки, в классе неожиданно появился Абашидзе. Не найдя ничего предосудительного в ящиках, он стал обыскивать учеников.

На той же неделе после тщательного обыска инспектор нашел у Иосифа исписанную тетрадь со статьей для нашего рукописного журнала.

Абашидзе не замедлил выступить с материалом на заседании совета семинарии. В результате мы получили двойки по поведению и последнее предупреждение.

Беседы в кружке и постоянные дискуссии отражались на наших семинарских занятиях. Однако Иосиф, не затрачивая особых усилий, с легкостью перешел в следующий класс. Но успех этот не обманул начальство семинарии. Свирепый монах Абашидзе догадывался, почему талантливый, развитой, обладавший невероятно богатой памятью Джугашвили учится на тройки. Он снова поднял этот вопрос на заседании совета семинарии, обрисовал наше увлечение политическими вопросами, охарактеризовал главенствующую роль Джугашвили во всем этом и добился постановления об исключении его из семинарии.

Так кончилась наша совместная школьная жизнь, прошли детские и юношеские годы. Иосиф Джугашвили вышел из семинарии без диплома, но с определенными, твердыми взглядами на жизнь. Он уже знал и понимал, что ее надо расколоть и перестроить.

Меня же судьба закинула обратно в деревню. Отца не было в живых, и я должен был искать работу.

Иосиф не вернулся в Гори.

Он целиком погрузился в революционную работу.